

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 1930-х гг.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ «ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ»

Кардинальные изменения политического курса РКП(б) в конце 1920-х гг., «великий перелом» в строительстве социализма определили поворот в политике партии по отношению к культуре. Тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма, выдвинутый Сталиным на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. и связанные с ним призывы к размежеванию с непролетарскими художественными силами, ставили последнюю точку в плюрализме художественной жизни.

В сферу культуры были перенесены уже опробованные и давно внедренные в партийную работу принципы и методы руководства: классовая оценка явлений культуры, обязательность «четкой классовой линии», стремление обеспечить главенство партии в духовной жизни общества, принципы централизации управления культурой и искусством.

Контроль над культурой преследовал цели не только запретительные, но и конструктивные. Создавалась идеология, которая должна была быть принята всеми. И именно на творческую интеллигенцию оказывалось наибольшее давление. Авторитарность, грубое и бесцеремонное вмешательство в

творчество, отрицание какой-либо независимости, самостоятельности суждений становилось повседневным.

Стремление ввести творческие искания в определенное русло вылилось в принятие в 1934 г. метода социалистического реализма. Сам термин впервые появился после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»¹. Под художественное творчество была подведена идеология войны с инакомыслием. Стали создаваться единые творческие союзы, которые превратились в придатки государственно-партийного механизма.

Проводником культурной политики партии в Беларуси стал Оргкомитет Союза советских писателей БССР, созданный после постановления ЦК КП(б)Б «О перестройке литературно-художественных организаций в БССР»². Реализация на местах сталинского догмата о национальной по форме и социалистической по содержанию культуры лишала белорусскую культуру возможности свободного развития, а искусственно раздутый миф об опасности белорусского национализма стал основанием для массовых репрессий среди творческой и научной интеллигенции республики и ликвидации результатов белорусизации.

По мнению многих представителей белорусской интеллектуальной элиты, подобный финал был закономерным. Прозаик и драматург М. Зарецкий был одним из первых, кто выявил в политике белорусизации инструментальный характер. В очерке «Падарожжа на Новую Зямлю» (1929) он открыто выступил против «московского влияния» на самобытную культуру белорусов. М. Зарецкого беспокоило, что «...у наша мастацтва — у літаратуру, у тэатр, у кіно — трапляе замест праўдзівых дасягненняў братняй культуры пустое бруднае пазадзье, і мы з рабскай пакарай прымаем яго, мы яго ўзвышаем ці кідаем пад ногі яму праўдзівыя пэрлы сваіх уласных дасягненняў...»³. В оппозиции к белорусизации по-советски находились и другие представители литературы и искусства: В. Шашалевич (пьесы «Змрок», «Воўчыя ночы», «Апраметная»), А. Шашалевич (Мрий) (повесть «Запіскі Самсона Самася»), Л. Калюга (повесть «Нядоля Заблоцкіх»), Кузьма Чорный (романы «Зямля» и «Сястра») и др.⁴ О национальном подъеме, напоминающем период ВКЛ, в своих произведениях мечтали С. Астрейко, В. Дубовка, А. Станкевич. Не написал ни одного стихотворения во славу советской власти с 1923 по 1930 г. поэт Язэп Пушча. Пророчески сегодня звучат стихи М. Лужанина о неминуемом крахе власти большевиков, написанные в 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции: «Кожны дзень прыходзіць расьцьвітаць, — Каб пасля памерці за гарамі... — Мы ня хочам радасці вітаць, — Што чужымі дадзена рукамі...»⁵.

Однако многие из белорусских писателей восприняли революцию 1917 г. в России как условие для общественно-экономического и культурного расцвета Беларуси. В литературу пришло новое поколение, которое Михась Чарот объединил в обществе «Маладняк». Молодежь приветствовал Янка Купала и окрестил «орлятами». Они стали пропагандистами революции. Максимализм взглядов и жажда независимости раскололи «Маладняк» на не-большие общества и объединения: «Узвышша», «Полымя», «Пробліск»,

«Літаратурная камуна». В печати началась полемика, утверждение своего первородства и большей идейной преданности. Некоторым критикам не хватало такта в ведении дискуссий, теоретической обоснованности своих критических позиций, подменявшихся политическими обвинениями.

В инициированной из центра борьбе с «национальным элементом» основной удар пришелся по белорусской интеллигенции. Первой жертвой стал поэт А. Дудар (Дайлидович А. А.). Его неопубликованное в те годы стихотворение «Пасеклі наш край, патапталі» стало основанием для возбуждения против поэта уголовного расследования, которое завершилось приговором: «Подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества»⁶.

Трагически сложилась судьба В. Дубовки: его трижды арестовывали, затем пятилетняя ссылка, десять лет лагерей и вечное поселение в Красноярском крае. Один за другим исчезали поэты, прозаики, драматурги и критики, студенты и преподаватели-филологи. Весной 1933 г. недолго просуществовавший журнал «Беларусь калгасная» собирался напечатать рассказ Миколы Никановича и статью Апанаса Сидоренко о творчестве Янки Купалы «Шлях паэта». Еще до выхода журнала эти произведения были признаны вредительскими, редколлегия была распущена, а авторы крамольных публикаций арестованы.

Репрессиям был свойствен какой-то особый оттенок абсурда. В тюрьмах и лагерях находились люди, осужденные за «великодержавную предвзятость», за связь с первым секретарем ЦК КП(б)Б М. Ф. Гикало (поэт Сергей Дорожный), за организацию выставки известного западно-белорусского художника Романа Семашкевича (поэт-коммунист Алесь Сологуб). Был практически уничтожен состав Третьего Белорусского государственного театра одновременно с его художественным руководителем Владиславом Голубком. По году были под следствием Тишка Гартный, Михась Чарот, Платон Головач, Анатолий Вольный, Василь Коваль, Борис Микулич, Владимир Ходыко, Юрка Лявонный и десятки других менее известных литераторов. По протоколам следствий руководителями «контрреволюционных групп» считались Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бядуля, Петрусь Бровка⁷.

В развернувшейся пропагандистской шумихе усердствовали печать и радио, призывая выявлять и выкорчевывать врагов народа и славя бдительных героев-чекистов. Инструментом для борьбы с инакомыслием стало постановление ЦК КП(б)Б от 28 января 1933 г. «Аб фактах прасочвання класавя варожых, нацыянал-дэмакратычных уплываў у мастацкай літаратуры БССР», в котором отмечалось, что националистические элементы стали проводить антисоветскую политику⁸. О засилии «нацдемовщины» в творческих союзах Беларуси докладывал также в записке Сталину от 21 ноября 1938 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко.

Творческая депрессия, подавленность и отчаяние стали преобладающими. Были, разумеется, и страх, и конформизм, и желание обрести благосклонность властей. По сравнению с 20-ми годами, когда мощно и обнадеживающе звучали голоса многих известных литераторов и общественных деятелей, в 30-е наступило молчание. По разным причинам. Одни молчали, потому что перед ними закрывались двери издательств и журналов, другие из-за страха. Иные составляли книги из старых рассказов. Ведущие писатели Янка Купала («Над ракой Арэсай», 1933), Якуб Колас («Суд у лесе», 1943), Кузьма Чорный («Трэцяе пакаленне», 1935) вынуждены были пойти на моральный компромисс с системой. Многие были уничтожены. Поэты Виктор Козловский и Израиль Плавник оказались в психиатрической больнице. Семь же белорусских писателей Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. за успехи и достижения в развитии советской литературы были награждены правительственными наградами: орденом Ленина — Янка Купала и Якуб Колас; орденом Трудового Красного Знамени — Змитрок Бядуля, Михась Лыньков и Эдуард Самуйленок; орденом «Знак Почета» — Петр Глебка и Петрусь Бровка⁹.

Большая часть мастеров искусства приняла, как само собой разумеющееся, административно-командную систему управления, которая в отношении искусства сочетала «кнут и пряник». Художник попадал в прямую зависимость от власти, переводя на язык искусства политические тезисы, следуя «генеральной линии», получая за это и признание, и награды, и привилегии.

Существует мнение, что в 30-е гг. интеллигенция была уничтожена, а вместе с нею была упразднена и свободная духовная деятельность. Искусство было национализировано, а поэт и художник стали такой же собственностью государства, как газ, нефть, уголь¹⁰. Но тоталитарный режим не смог подавить окончательно культурно-демократические традиции и разрушить преемственность культуры. Это позволило литературе и искусству выжить, хотя и через творчество одиночек, разобщенных между собой.

Внешнее единомыслие не означало, что культура потеряла способность к самостоятельному творчеству, полностью подчинившись задаче тиражирования идеи. Противостояние проявилось в феномене «отложенной литературы»¹¹, невостребованной обществом и временем эпохи социалистического реализма. «Отложенными»

оказались разные художественные произведения и даже целые жанры культуры. Уникальным явлением 1930-х гг. стали дневниковые записи, которые выступают документальным подтверждением акта противостояния творческой личности власти и принуждению; передают личное ощущение времени. В повседневной культуре примерами осознанного или инстинктивного сопротивления идеологическим штампам стали анекдоты, пародии, частушки. Смех становился способом противостояния системе. В неофициальной культуре в начале 1930-х гг. были зафиксированы частушки о «начальстве», о женской доле в советских колхозах, картины сельской жизни и т. д.¹² Общей формой сопротивления на разных уровнях культуры являлась попытка противостоять внешнему единomyслию и формированию целостного образа социалистического государства ценою человека.

Современные исследования по теории и истории культуры свидетельствуют, что «мера и степень свободы творчества, независимости художника от общества, правительства, от идеологических организаций, от влиятельных личностей, от власти вообще являются одним из важных показателей состояния культуры»¹³.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, пленумов, конференций. 9-е изд. М., 1985. Т. 5. С. 407.

² КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 2. 1928—1932. Минск, 1984. С. 436.

³ Глыбінны, Ул. Доля беларускае культуры пад Саветамі / Ул. Глыбінны. Досьледы і матарыялы. Сэр. 2. Вып. 68. Мюнхэн, 1958. С. 84.

⁴ Там же. С. 86—88.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Міхнюк, У. Балада пра арыштаваныя вершы / У. Міхнюк // Літаратура і мастацтва. 1993. 8 студз.; Граховский, С. Так погібали поэты... / С. Граховский // Литературная газета. 1990, 21 марта.

⁷ Граховский, С. Так погібали поэты... / С. Граховский // Литературная газета. 1990. 21 марта.

⁸ Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі. 2-е выд., дап. / Л. Лыч, У. Навіцкі. Мінск, 1997. С. 332.

⁹ Там же. С. 336.

¹⁰ Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежными / Т. П. Коржихина // Отечественная история. 1996. № 9. С. 23.

¹¹ См.: Березовая, Л. Г. История русской культуры: в 2 ч. / Л. Г. Березовая, Н. П. Берлякова. М., 2002. Ч. 2. С. 334.

¹² Там же. С. 338—339.

¹³ Энциклопедический словарь по культурологии / под общ. ред. А. А. Радугина. М., 1997. С. 423.